

МЖС

ПЕРВАЯ ЛИНИЯ

*Рассказы и
истории разных
лет*

ФРД

МОСКВА
Издательство АСТ

Вместо предисловия

Поэт подобен шаману, который сдуру бьет в бубен и идет в Нижний мир.

— Вау! — говорит поэт. — Нифигассе, я в Нижнем мире!

— Вау! — говорят хором обитатели Нижнего мира. — Это кто такой красивый к нам пришел?

— Эй вы там! — Верхний мир стучит им в потолок. — Чего расшумелись?

— Просыпайся! — говорят ему обитатели Нижнего мира. — Тут такие дела творятся!

И Верхний мир просыпается, и от этого случаются всякие удивительные вещи, о которых виновник (шаман, то есть поэт), вполне возможно, не узнает никогда. А может, и узнает. Всяко бывает.

Прозаик же подобен знахарю, у которого в доме трое больных и только что приволокли четвертого. Он собирает травы и варит зелья. Кому-то что-то отрезает, кому-то, напротив, пришивает. Потом тоже берет бубен и идет в Нижний мир, у него там дела.

Ему нужно поймать там болезни своих пациентов, построить их по росту и призвать к порядку. Возможно, даже выпороть.

— А, — говорят ему обитатели Нижнего мира, — это опять ты. Как дела?

— Да так как-то потихоньку, — отмахивается знахарь. — А где тут у вас болезнь гражданина N прячется?

— Как будто сам не знаешь. Где обычно.

И обитатели Нижнего мира расходятся по своим делам.

Знахарь тем временем делает свое дело и возвращается домой, в Верхний мир. Там у него кипит котел с лекарством и принесли пятого больного. Второй больной меж тем все-таки помер, зато первый, третий и четвертый пошли на поправку. Знахарь мрачно глядит на пятого больного, с хрустом зеваёт, берет бубен и снова идет в Нижний мир. А как еще.

Потом, когда он вернется, у его порога будет рыдать семья покойного, зато родственники других пациентов принесут подарки и будут говорить всякие приятные вещи. Знахарь подарки берет, а слов почти не слышит. Он наконец сообразил, в чем была ошибка при работе со вторым пациентом. Это хорошо. Может быть, удастся ее не повторить. Знахарь хочет спать, но в котле булькает зелье, его надо караулить еще полтора часа. Знахарь берет бубен и бьет им себя по голове, чтобы отогнать сон.

Вот примерно такая разница.

МИФЛОЖКИ

От автора

Короткие тексты такого рода стали появляться у меня в начале 2004 года; в подобных случаях, я знаю, принято говорить, что поначалу они, дескать, предназначались для развлечения небольшой группы друзей, а потом неожиданно оказались гораздо более масштабным и глубоким явлением.

Однако я при всем желании не могу воспользоваться этой традиционной заготовкой. Потому что ни для чего эдакого, в том числе, для тихого умеренно интеллектуального веселья в узком кругу тексты не предназначались, а просто были написаны. Без всякой, стало быть, дополнительной цели. Так получилось.

С другой стороны, у меня вовсе нет уверенности, что тексты эти оказались именно что «масштабным явлением». Чем они определенно стали, так это чрезвычайно удобным способом коротко, глубоко и пронзительно говорить о некоторых важных вещах. И о некоторых не очень важных — тоже.

Мифоложки

...Понятно, что сам метод — рассказывать новые истории, опираясь на уже существующий и (по крайней мере, теоретически) массово опознаваемый культурный контекст — существовал задолго до меня. Мне принадлежит только название «мифоложки» — столь же легкомысленное и одновременно точное, как лучшие образцы жанра.

Проследив по собственным записям процесс возникновения этого термина, не без удивления обнаруживаю, что первоначально было придумано слово «мифоложь» («миф» + «ложь», конструкция совершенно прозрачная, но при этом неточная, поскольку искажения мифа в процессе авторской работы над ним вряд ли следует считать именно «ложью»). Вероятно, именно поэтому термин просуществовал в таком виде всего несколько дней, а потом ему на смену пришло название «мифоложка», в фундаменте которого лежат и ерническое «мифоложество» (по аналогии с «мужеложством», «скотоложеством»), и нежное уменьшительно-ласкательное от «мифология», и все та же изначальная «ложь», куда от нее денешься.

На мой взгляд, подобная постмодернистская игра с мифами и другими общеизвестными сюжетами имеет смысл только в том случае, когда по ходу дела мы обнаруживаем в нем тайный потенциал (явный-то был реализован в процессе рождения мифа/сюжета) и обрабатываем так, чтобы созидательная мощь многократно возросла.

Если на это нет силы и умения, то лучше отойти и ничего не трогать.

От автора

Потому что из любого сюжета можно вырастить новую Вселенную, и при таком раскладе выращивать что-то меньшее глупо, хотя искушение бывает почти непреодолимо, особенно когда речь заходит о великих мифах. Всех так и тянет уменьшить их, приручить, приспособить к своим маленьким уютным человеческим нуждам. Это понятно и даже вызывает сочувствие, но нельзя не осознавать, что вырастить меньше, чем уже было выращено, — натуральное вредительство.

С другой стороны, имея в руках зерно (то есть осознав миф/сюжет живым, способным к проращиванию зерном), не попробовать его прорастить — значит сгноить посевной материал. Поэтому лучше все-таки пробовать — тем, кто понимает, что делает.

Поэтому мифоложки так притягательны — это ж натурально как горох проращивать. Только что были скучные зерна, и вдруг откуда ни возьмись тугие зеленые хвостики, завтра они, может быть, увянут, а может, и нет, мы еще не знаем. И пока мы не знаем, с нами происходит *интересное*.

А самое интересное происходит с тем, кому удастся вырастить свой горох до неба, потому что тогда наш огородник станет Джеком-в-Стране-Чудес, и это само по себе такая высокая награда, что иных не понадобится.

С точки зрения козы*

Задача

Крестьянину нужно перевезти через реку волка, козу и капусту. Но лодка такова, что в ней может поместиться только крестьянин, а с ним или один волк, или одна коза, или одна капуста. Но если оставить волка с козой, то волк съест козу, а если оставить козу с капустой, то коза съест капусту. Как перевез свой груз крестьянин?

Решение

Ясно, что приходится начать с козы. Крестьянин, перевезши козу, возвращается и берет капусту, которую перевозит на другой берег, где и оставляет, а козу

* Видимо, следует пояснить, что история изложена «с точки зрения козы» вовсе не потому, что автору она ближе и понятней, чем точки зрения волка и капусты. Просто коза — единственная, кто, согласно решению задачи, ездит на другой берег два раза. Это важно.

(Что же касается точки зрения перевозчика, она в данном случае не только непостижима, но и неинтересна, поскольку поездки с одного берега на другой для него — повседневная рутина.)

С точки зрения козы

забирает и везет обратно. Здесь он оставляет ее и перевозит волка. Затем, возвратившись, он перевозит козу, и переправа оканчивается благополучно.

* * *

Кроме меня на берегу была еда, свежая и благоуханная. И был зверь, который считал едой меня. Зверь вел себя спокойно, не нападал, не грозил, только косился солнечно-желтым глазом, источал запах желаний, нежился предвкушением, так я сама смотрю на еду. Еще на берегу был человек. Он вынуждал зверя держаться на расстоянии от меня, а мне мешал приблизиться к еде.

Человек повел меня к воде. Я пошла с ним, но когда он попробовал загнать меня в лодку, я не захотела. Человек не стал меня бить, просто поднял и поставил в лодку, оттолкнул ее веслом от берега, и кругом сделалась вода, и некуда было убежать. Человек принялся грести. Он вез меня в лодке. А еду мы с собой не взяли.

В лодке не было зверя, поэтому я стояла спокойно.

Потом я забыла про зверя.

Потом я забыла про еду, которую мы не взяли.

Потом я забыла про берег, где остались зверь и еда.

Стало так, как будто мы всегда плыли в этой лодке — я и человек-перевозчик. Вокруг была вода, но я не боялась. Я забыла, что можно бояться.

Мифоложки

...Однажды лодка остановилась, человек толкнул меня, и я выскочила на землю. Под ногами стало твердо и спокойно. Вокруг было темно, еды не было. Не было и зверей.

Я вдруг поняла, что это — *другой берег*.

Я еще никогда не была на *другом берегу*. Я вообще не знала, что бывают какие-то берега — *этот* и *другой*. А теперь знала. *Другой берег* — это место, куда попадаешь после того, как тебя везли в лодке.

— *Другой берег* — это место, куда попадаешь после того, как забыл, где был раньше, — сказал человек.

Он сел в лодку и уехал. Я не знала куда.

А я осталась на *другом берегу*. Я стояла и смотрела, как удаляется его лодка. Потом я забыла про лодку. Потом я забыла все. Потом ничего не было. Никогда. Всегда.

Однажды человек вернулся ко мне. Он привез еду и положил ее на землю. Но мне ничего не досталось. Человек погрузил меня в лодку и начал грести. И вокруг сделалась вода. Я вспомнила, что так уже было однажды. Раньше. Давно, всегда. Я вспомнила.

Был еще один берег, не *другой*, а просто берег. Там росла трава, там благоухало и двигалось, там беспокоилось и боялось, там было всякое, все, всегда. Там на берегу был зверь, который смотрел на меня как на еду. И там была я, на которую смотрели, которую вели в лодку, которую увезли, которой там больше нет.

Которой больше нет.

Я вспомнила все о себе. И вдруг испугалась, что сейчас вспомню все, что забывали те, кого перевозили-

С точки зрения козы

ли на *другой берег*. Козы, люди и остальные. Я не хотела.

Я закричала. Человек засмеялся.

А потом я все вспомнила.

Мы приехали и вышли из лодки. Волк сидел на берегу. Он был голоден и напуган. Когда мы подошли ближе, он шарахнулся от меня. Он меня не узнал. Я больше не годилась для еды. Я хотела сказать волку, что вернулась с *другого берега*, но не стала. Он бы все равно не понял.

Перевозчик повел волка в лодку, а я осталась. Мне было хорошо.

Здесь был свет, и была вода, и была трава, и был ветер, и мед, и дым, и дрожь, и свист, и звон, и ноздри мои сладостно трепетали, и я — была. Тут, везде, всегда.

Перевозчик вернулся за мной на рассвете. Вытащил лодку на берег, бросил весло. Подошел, сел рядом. Сказал — пора.

И ветер мой стал черен, трава суха, а вода горька, и время мое истекло из меня, и я стала пуста.

Когда мы шли к лодке, я спросила: «Какого черта ты затеял это, Харон?»

А он не ответил.